

А я вижу, яко римлянин. У Феодора Ртищева с ним от писания в полатке до тово щитались, — вся блядет по уставу римскому. И года с полтретья минув после тово, приходил со Артемоном от царя во юзилице ко мне, на Никольской двор. Не мог со мною (л. 37) говорить: бог мне помогал ево посрамлять. И в беседах тех я ему говорил: „вижу, яко римлянин ты, и беседа твоя яве тя творит“. Отвеща и рече: „вся земля божия и концы ея“. Да и розсмеялся. Я Артемону подъявил: „внимай, посланьник, и зри, враг бо есть святыя троицы“. А им такія и надобе; заодно с Римом Москва захотела вражить на бога, таковых себе и накликала. Да я не лгу: новых... [латын] в Москве умножилося, научили своему рукоделию камедиею играть. А нас бог избавил от них и посрамил их от нашей худости. Да что с ними зделаеш. А пошед Артемон кланяется низенько и прощается умильно вправду.

[О Никоне и патриаршем дьяке Кокошилове]

А егда же мя на судище привлекут, вси судии трепещут и ужасаются, яко от мудрова человека. А я и аза не умею протолковать (л. 37 об.) и свое имя забыл, токмо надеюсь лише крепко на света Христа. Да егда мя волокут, так в то время докучаю ему, богу моему: „надежда, не покинь! упование, не оставь!“. А сам-таки молитву говорю. Как приведут пред них, так у меня загорится сердце-то, — не разбираю, патреарх ли или ин, понесу косить несеяный плевел посреде пшеницы растуш. Да и то в то время вспомню, что от юности в книгах читал. А с судища сошел, и забуду, что говорил. Опосле сказывают мне, и я лише смеюся пред ними и браню их от писания. И рек: „не боюся я дьявола и вас, боюся света Христа, он мне помощник на вас“. Да уже мне иное вам и сказывать тово, кажитца, не хорошо, да нужда влечет. В крестовой Никон да я да Кокошилов дьяк, много говоря, и льстя ко мне (л. 38). А у меня горит сердце-то на него, сердито крошу. И он Кокошилову говорит: „Иван, а Иван, худа гадина протопи сей, а пострадать мне от него“. И он ему супротив рек: „да и ты-де, государь, учини ему конец“. И он паки: „нельзя, барте, — загорожено, боюся“. Да и отпустил меня. В те поры я шапкою тряхнул: отрясаю, реку, прах, прилепший от ног моих. Да и пошел. Примись, реку, за меня, такой-сякой, идучи говорю. А что зделаеш, нашу же братию многих погубил...

2. Русские писатели о „Житии протопопа Аввакума“¹

В. М. Гаршин

„Он любил изучать старую русскую литературу, — пишет В. А. Фаусек в своих воспоминаниях, — и некоторые старинные произведения

¹ Отзывы помещены в алфавитном порядке имен писателей. Приводимые высказывания имеют целью показать, что русские писатели различных идейных направлений одинаково высоко ценили язык и стиль сочинений Аввакума, признавая крупные литературные достоинства его произведений, яркость и своеобразие его народного языка.